

Д.В. Сочивко

Раскодырь мир

Опыт анализа
психодинамики
личности человека
в экстремальных
условиях
жизнедеятельности

Дмитрий Сочивко

**Расколотый мир. Опыт анализа
психодинамики личности
человека в экстремальных
условиях жизнедеятельности**

«Когито-Центр»

2002

УДК 159.9
ББК 88

Сочивко Д. В.

Расколотый мир. Опыт анализа психодинамики личности человека в экстремальных условиях жизнедеятельности / Д. В. Сочивко — «Когито-Центр», 2002

В книге изложены теоретические и экспериментальные основания психодинамического подхода в исследованиях личности. Представление личности как ансамбля психодинамических циклов элементарных состояний волевой, эмоциональной и когнитивной сфер позволяет увидеть специфичность поведения человека в различных по экстремальности условиях жизнедеятельности. Книга интересна широкому кругу читателей, специалистов в области философии, антропологии теоретической и прикладной (в первую очередь социальной и юридической) психологий.

УДК 159.9
ББК 88

© Сочивко Д. В., 2002
© Когито-Центр, 2002

Содержание

Предисловие	6
Часть 1	
Глава 1	8
Глава 2	12
2.1. Время	12
2.2. Слово	17
2.3. Познание	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

В.Д. Сочивко

Расколотый мир. Опыт анализа

психодинамики человека в экстремальных

условиях жизнедеятельности

© В.Д. Сочивко, 2002

© «ПЕР СЭ», оригинал-макет, оформление, 2002

Предисловие

Эта книга посвящена экспериментальному обоснованию психодинамического направления исследований в современной психологии. Главное отличие предлагаемого нами подхода заключается в том, что само понятие «психодинамика» мы исключаем из психофизической сферы, а именно – не предполагаем исследовать психодинамику личности в связи с реальным физическим временем (как это делал, например З. Фрейд, почему его теория личности и получила название «психодинамической» (Психология, 2000). Мы не будем здесь касаться вопросов и так называемого субъективного времени, т. е. на самом деле просто восприятия физического времени человеком. Психодинамика психических процессов не имеет никакого отношения к часовым механизмам. Человек уже был сотворен, а часы еще не были им сотворены. Психодинамика личности уже существовала тогда, когда время представлялось только как связь (некая мистическая связь) настоящего, прошлого и будущего. И мы полагаем, что и изучение психодинамики надо начинать с представления ее именно в этих категориях (а не в миллисекундах, секундах, часах, днях, годах, т. к. это меры физического времени). Более подробно о природе времени с точки зрения соотношения настоящего, прошлого и будущего – в соответствующем параграфе вводной части.

Далее, поскольку речь идет о психодинамике личности, то необходимо указать на некоторое теоретическое представление личности, которым мы будем пользоваться. И здесь мы тоже намерены (согласно выбранной логике) вернуться к древнейшим и в общем и целом общепринятым представлениям о личности. Мы имеем в виду представление личности как психологической триады (эмоции, воля, познание в современных терминах, чувства, желания и разум у греков и римлян, или переживающая, желающая и рассуждающая части души у древних христиан – за многовековую историю науки терминов было много, но речь всегда шла об одном и том же), а также представление о человеке, как о состоянии из тела, души и духа, что всего яснее было сформулировано ап. Павлом (1-е Коринф. 15.44–49). Последнее можно было бы назвать вертикальным представлением личности человека, в отечественной психологии теперь используются индивид, индивидуальность, личность. З. Фрейд, например, говорил об «оно», «я» и «сверх-Я» (подробнее смотри ниже), мы же будем пользоваться изначальным представлением о человеке как телесном, душевном и духовном существе. Причина этого очень проста. Дело в том, что прогресс науки, особенно в последние два столетия, когда собственно и родилась психология как наука, привел к затенению роли духовности в жизни человека. Эта третья и важнейшая составляющая человеческого бытия стала пониматься весьма узко, в лучшем случае как сфера идеалов, ценностей, мировоззрения, а иногда и чисто механистически – как высшая сфера рефлексов, вторая сигнальная система и пр. Упрощенно можно сказать, что психология и появилась как наука уже психологией бездуховного человека, а советский период развития отечественной науки закрепил эти представления не только в России, но в существенной мере и во всем мире.

Возвращаясь теперь к первому представлению о личности человека как психологической триады, можно сказать, что это представление является как бы горизонтальным. Вот в этих координатах (горизонтального и вертикального) представления личности мы и будем анализировать данные наших экспериментальных исследований. Таким образом, мы не входим в сферу собственно духовности человека, что является областью теологии и философии, мы лишь перестраиваем экспериментально-психологическую и психодиагностическую базу для психологических исследований человека как духовного существа, как образа и подобия Божия, а не как потомка обезьяны (а если полностью верить эволюционистам, то и инфузории туфельки). Исключая вводную часть, в этой книге представляются не теоретические, а экспериментально-психологические исследования человека в двух указанных выше направлениях.

Напрашивается вопрос, как можно экспериментально изучать духовность человека. Ясно, что для этого необходимо некоторое промежуточное понятие, представляющее фактологию того, что собственно будет изучаться. Таким понятием для нас является понятие экстремальности условий жизнедеятельности (ЭУЖД), метафорой чего является само название книги «Расколотый мир». В этом небольшом предисловии мы не имеем возможности подробно разъяснить теоретический базис такого выбора понятия (это будет сделано в главе 2, также с метафорическим названием «Другое»), но то объяснение, которое мы сейчас дадим, представляется нам достаточно простым и понятным для дальнейшего использования понятия ЭУЖД, как рабочего концепта для экспериментальных исследований. Дело в том, что в самой сути своей духовность человека определяется его психологическим самоположением в диаде смиление – гордыня, т. е. фактически тем отношением, которое человек формирует к условиям жизнедеятельности (УЖД).

Сатана пал с небесной высоты по великой гордости; св. Иоанн Кронштадский творил величайшие чудеса, а когда его спрашивали, как он при всем своем реальном величии и славе остается столь смиренным, он цитировал главу из Библии, где описано падение денница (в его личной Библии эта страница была зачитана почти до дыр). Интересующийся читатель найдет достаточное количество иных примеров и разъяснений в православной литературе, мы же здесь этим ограничимся. Но таким образом, связав духовность человека с его смилением, мы получаем ясное понимание основного свойства УЖД человека, а именно их экстремальность. Подробнее об этом в первой главе («Понятие ЭУЖД»), здесь же скажем, что лишь для человека как духовного существа, исходя из вышеописанных представлений, любые УЖД являются экстремальными (смиряется человек перед тем, что ему не нравится). Но раз не нравится что-то, то, значит, вся ситуация в какой-то степени экстремальна.

Часть 1

Философско-антропологические основания психодинамических исследований

Глава 1

Понятие экстремальности условий жизнедеятельности

На первый взгляд может показаться, что настоящая работа выполнена на злоу дню, и предлагаемый подход психологических исследований имеет отношение только к российской ситуации, при наличии войны в Чечне, в условиях криминальной революции, невыплат зарплат и пенсий и т. п. Однако это не так. Войны были всегда, экономические кризисы регулярно поражают экономику тех или иных стран, а теперь уже и всего мира в целом, разгул преступности обычно является лишь следствием политических и экономических ошибок, естественной утраты обществом своих духовных ориентиров. «В поте лица твоего будешь добывать хлеб твой, – сказал Бог человеку – согрешившему Адаму, – и проклята земля за тебя». Экстремальность, как неотъемлемое качество существования человека на земле, появилась одновременно с его грехопадением, и с тех пор любое забвение того, что все мы живем в экстремальных условиях или может где-то когда-то создать иные неэкстремальные порождало лишь еще большую экстремальность существования. Достаточно вспомнить историю любой революции с ее естественными этапами одурманивания нации **иллюзорными** «неэкстремальными» теориями жизнедеятельности в будущем, террором и, наконец, крахом, порождающим длительную повышенную экстремальность существования всего общества.

Конечно, нам возразят, что революции давно отошли в прошлое, что на Западе во многих странах уже давно построен экономический рай (например, в странах Бенилюкса), а следовательно, нормальные условия жизни на земле возможны, экстремальность жизни характерна для экономически неразвитых стран, да и то не для всех граждан, а только для бедных. Богатые же – те живут призывающими.

Такие утверждения мы и рассматриваем как главную иллюзию относительно экстремальности УЖД. При этом мы не оспариваем это утверждение, а лишь утверждаем его логический статус иллюзии. Когда мы видим огромный шар Луны у горизонта, а в полночь наблюдаем ее в зените меньше в несколько раз, то мы не говорим, что мы не видели этого явления, хотя и знаем, что размеры Луны не изменились. Кстати сказать, насколько нам известно, никто еще толком не объяснил, как возникает иллюзия Луны у горизонта. Такова же и иллюзия о якобы чуждой экстремальности жизни богатых людей в богатых странах. Мы видим их машины, приемы, виллы, квартиры, но можем только догадываться, насколько велика экстремальность их жизни, например, по уровню потребления наркотиков, числу разводов, количеству абортов и др. А что, казалось бы, мешало жить спокойно?

Но позвольте, а почему мы говорим только о богатстве. Разве не может человек обеспечить себе нормальное (неэкстремальное) существование посредством любимой работы, крепкой семьи, воспитанных детей и среднего уровня достатка, позволяющего реализовать все интересы свои и своих близких в области духовных запросов. Этот идеал буржуазного существования является еще одной, но уже гораздо более стойкой иллюзией. Собственно говоря, стойкость ее имеет скорее историко-литературные, чем содержательные причины. Со времен эпикурейцев (которые, кстати, всегда проповедовали умеренное использование благ, как высшую форму наслаждения) и по наши дни мы встречаем литературных героев, победивших экс-

тремальность жизненных условий, проводящих свою жизнь в достатке и уюте. Эммануил Кант, казалось бы, явил миру пример того, как истинный философ (при условии не слишком тяжелых внешних условий жизни) может полностью лишить свою жизнь экстремальности. Помимо упорядоченность жизни (по его прогулкам горожане проверяли часы), огромная продуктивность творчества компенсировали ему неудачи карьеры, избавили от всех житейских треволнений. Но достаточно лишь бегло изучить кантовские антиномии, чтобы погрузиться в бездну внутреннего разрыва (раскола) мысли, ее беспомощности перед Всевышним, глубины страха ничтожной твари перед Творцом.

Это хорошо понимал Гете. Как бы ни был устроен человек в этом мире буржуазного существования, он изначально разрушен внутри. Отсюда его взбесившийся Вертер, отсюда и доктор Фауст, гибнущий на пике устройства идиллического, изобильного и полного радости (недуховного) существования.

Собственно говоря, буржуазный идеал существования легко рушится и с точки зрения чисто материальной. Достаточно внимательно прочитать Книгу Иова, чтобы в сердце навсегда был посеян страх: **Бог дал, Бог и взял.** Однако мы редко перечитываем Книгу Иова, чаще мы читаем детективные романы, в которых любой даже самый последний и никому не известный детектив по образцу Холмса, Пуаро или Вульфа живет спокойной и радостной жизнью, будучи окружен тысячью смертельных опасностей. Таков закон жанра. Поэтому так высока читаемость этой литературы. Ведь так не хочется расставаться с иллюзией. Забегая вперед скажем, что читательское поведение является одним из самых тонких показателей экстремальности жизни человека, о чем и будет рассказано в соответствующей главе.

Итак, исходя из вышесказанного, можно утверждать, что неэкстремальных условий жизнедеятельности просто не существует. При этом сразу необходимо заметить, что данное утверждение не носит дискуссионного характера, мы не предлагаем читателю спорить. Мы предлагаем принять это утверждение как недоказуемую аксиому и посмотреть, что можно построить на его основе. Если кто-то построит хорошую практическую или теоретическую конструкцию на противоположной основе, то мы не станем спорить, а подумаем лишь о том, в каких границах какой подход удобнее использовать в целях, например, практической психотерапии или дальнейших теоретических исследований.

Но для этого сформулируем нашу исходную мысль точнее.

Мы утверждаем, что в любых УЖД найдется достаточное количество фактов, которые способны сделать эти УЖД максимально экстремальными для любого наперед избранного индивида. Это хорошо иллюстрировано многими рассказами А.П. Чехова. Так чиновник, живущий по всем правилам среднего достатка, умирает всего навсего оттого, что нечаянно чихнул в театре, и возможно невольно обидел человека, более высокого по званию. Другой персонаж опять же умирает, будучи склонным к обжорству и не выдержав длительной процедуры постановки блюд на стол. Если вспомнить широко известную установку практической психологии, что обжорство является формой невроза, то становится понятным, что для данного человека его УЖД были максимально экстремальны.

С другой стороны, не менее очевидным представляется факт, что существуют более сложные (более экстремальные) УЖД и менее сложные (менее экстремальные). Так, например, участие в боевых действиях, полет на Северный полюс, служба в подразделениях спецназа представляются нам более экстремальными, чем деятельность школьного учителя, инженера по радиосетям или преподавателя психологии в университете.

Однако очевидность эта только кажущаяся. Да, действительно, некоторые виды деятельности, сопряженные и с условиями проживания, потенциально содержат в себе большее число внешних факторов воздействия на психику человека, повышающих экстремальность УЖД. Но как было показано выше, в других ситуациях среди малого количества факторов экстремальности некоторые могут обладать очень высокой степенью вероятности приведения человека

в неадекватное состояние восприятия окружающего мира, даже с последующим летальным исходом. (Кроме рассказов А.П. Чехова вполне можно привести широко распространенную фразу: «сгорел на работе».) А теперь давайте попробуем помножить одну ситуацию на другую, а именно, представим себе человека в УЖД, характеризующихся большим числом факторов экстремальности, и плюс к тому некоторые из них имеют еще повышенную вероятность выведения человека из нормального состояния. Что произойдет? Человек не выдерживает. Подтверждение тому мы видим, например, в таком не слишком широко известном факте, что потери в МВД за счет самоубийств сравнимы с потерями в боевых действиях в Чечне. Человек оказался разорванным. Он одновременно должен как милиционер реагировать на одни условия жизни, и как нищий безработный организовывать бюджет семьи и свой личный на те гроши, которые он получает в виде зарплаты. Но почему обязательно самоубийство? Есть и другой путь – путь преступления, получения незаконных доходов, иногда даже путем самого крайнего беспредела. Что произошло в данном случае? Изменились ли УЖД человека. Внешне нет, но изменилась их экстремальность, что привело к тому, что человек сам перевел себя в иные условия жизни, а именно перестал быть служащим МВД и стал преступником.

Итак, экстремальность УЖД есть сложная личностная функция факторов УЖД, взятых в конкретной ситуации жизни конкретного человека.

Конкретная ситуация жизни, при этом определяет не внешнюю экстремальность УЖД, а именно то количество факторов, которые накладывают ограничения на эмоциональное, волевое и когнитивное поведение личности. Так, например, количество ограничений, накладываемых УЖД на поведение студента вуза меньше, чем количество ограничений, накладываемых на поведение военнослужащего (что, очевидно, вызывает и всем известную борьбу вузов за отсрочку от службы в армии). Также количество ограничений в деятельности ответственного работника больше, чем у студента или простого рабочего. Также и среди военных больше факторов экстремальности УЖД в боевых условиях, чем у военных внутренней службы, несущих непосредственное дежурство, чем у преподавателей военных вузов. Однако все эти факторы являются лишь внешними. Изучая их, нельзя получить ответа на вопрос, что произойдет с конкретным человеком в этой конкретной ситуации, здесь и теперь.

Мы видели, что чеховский герой погибает в условиях максимально далеких от внешне экстремальных, потому что фактор нечаянного оскорблении начальства оказался для него столь весомым. Но также нам известно, что во времена войны опытный офицер, имея в тысячу раз больше возможностей погибнуть, часто остается в живых.

Итак, в одинаковых внешних УЖД люди ведут себя по-разному, а следовательно, экстремальность этих УЖД для каждого конкретного человека есть сложная многомерная индивидуально-личностная функция факторов УЖД, определяющая его эмоциональное, волевое и когнитивное поведение. Внешние факторы определяют лишь «ячейку» УЖД, в которой находится индивид (например, студент, военный, преступник, осужденный). Если личностная функция экстремальности выходит за пределы, предусмотренные ячейкой, то человек рано или поздно попадает в другую ячейку. Если же размах личностного непринятия ограничений оказывается слишком велик, то человек оказывается за гранью общественного бытия, превращаясь сначала в преступника, а затем в осужденного, отбывающего наказание в местах лишения свободы (не считая, конечно, случаев преждевременной смерти или самоубийств, о которых говорилось выше). Эта запредельная ячейка обладает максимумом ограничений поведения, и мы будем использовать ее в наших экспериментальных исследованиях как эталон максимума внешней экстремальности УЖД.

Однако для того, чтобы человек действительно оказался в экстремальных условиях жизнедеятельности, недостаточно только наличия внешних факторов экстремальности. Главным и определяющим является изменение функции экстремальности по многим внутриличностным параметрам, или же по немногим, но с большим весом изменения. Здесь возникает боль-

шой соблазн назвать эту внутриличностную функцию оценочной функцией реальной экстремальности УЖД по количеству факторов и по степени угрозы жизни каждого из них и свести все исследование к классическим схемам теоретической психологии, разъясняющим оценочное поведение человека. Однако полученные нами результаты за несколько лет работы в колонии строгого режима, их сравнительный анализ с экспериментальными результатами, полученными среди вольных граждан – студентов, преподавателей, руководителей, рабочих, свидетельствуют о том, что в данном случае это не так. Личностная функция экстремальности УЖД не зависит от внешней экстремальности. Она формируется внутри человека по совершенно иным законам, базирующимся в своей основе на глубинных особенностях человеческой психики, его души, которая несет на себе бремя грехопадения и Божьего проклятия. Об этом речь в соответствующей главе книги, посвященной антропологическому анализу места человека в мире, его изначальной сущности как пограничного, экстремального существа, рассеченного границей этого мира и другого. И это еще одна грань метафорического названия книги «Расколотый мир».

Человек распадается изнутри, распадается как личность. И это приводит его в экстремальную ситуацию, не внешнюю, за гранью, за чертой. А мы остаемся внешне такими же, как мы есть, совсем непохожими на тех, за гранью. В чем отличие нашей жизни, почему один попадает в запредельную ячейку, а другой считает себя неподзаконным здесь. Вы, конечно, подумали о преступниках, и мы предлагаем Вам сравнить нас и их.

Преступление для нас является синонимом экстремальности. Но ведь это не так. Перешедший улицу в неподложенном месте – преступник?! При всей очевидности того, что этот человек преступил установленные правила, никто не назовет его преступником. Также никто не назовет преступником человека, который в течение пятидесяти лет ссорился и даже дрался с женой. Он не пил, не изменял ей, оба были интеллигентные, образованные люди, но вот в 72 года, во время слишком неожиданного нападения жены, он не помнит как в его руке оказался охотничий нож. Результат – восемь лет колонии строгого режима. Вопрос: все эти пятьдесят лет был ли он преступником? В нашем современном мире, пожалуй, только православный верующий назовет его преступником, т. к. всю свою жизнь он нарушал заповедь «не убий» и не приносил покаяния. (Мы говорим о православном верующем только в силу нашего ограниченного знания о других религиях, хотя то, что творят исламисты в Чечне, а католико-протестантское воинство – в Сербии, вроде бы говорит само за себя.)

Итак, потеря духовности, или более конкретно, как мы обозначили выше, разрыв душевно-духовных связей – вот реальная внутренняя основа достижения человеком того уровня экстремальности УЖД, который может привести его в последнюю запредельную ячейку, места лишения свободы. Как же происходит этот разрыв? Что делать человеку, чтобы его избежать? – Все дело в том, что душа человека разорвана изначально, еще в утробе матери («Рожать будешь в муках», – сказал Бог Еве). Жизненный путь человека – это духовное собирание воедино того, что при рождении дано ему в рассеченном, рассыпанном, разорванном виде. Это делает существование человека в этом мире изначально экстремальным. Сами же «сечения» нашей души присутствуют в каждом психическом акте, в любом элементарном действии. В этом главное содержание места человека в мире. И чтобы не быть внутренне противоречивым, наше исследование должно продолжаться исследованием причин указанной «расщепленности», начиная сверху, с области духовного. О чем в следующей главе.

Глава 2

«Другое». Философско-методологическая база психодинамических исследований личности

«Как не воожделенны все дела Его, хотя мы можем видеть их, как только искры! Все они живут и пребывают вовек для всяких потребностей Ему. Все они – вдвойне, одно напротив ДРУГОГО (выд. авт.), и ничего не сотворил Он несовершенным: одно поддерживает благо другого, – и кто насытится зренiem Славы Его.

(Сирах, 43, 23–26)

«Так смотри и на все дела Всевышнего: их по два, одно напротив другого»

(Сирах, 33,14)

2.1. Время

Объект, который мы хотим подвергнуть философскому исследованию, является целиком и полностью непознаваемым. В точном смысле слова этот объект объектом для нас не является. Это – «Другое».

Мы не привыкли употреблять слово «другое» как существительное, поэтому, естественно, напрашивается вопрос: «другое», чем что. Другое, чем все. Все, что мы можем увидеть, услышать, почувствовать, помыслить, сделать, вообразить, сказать и т. д. «Другое» как существительное – это то, для чего вопрос «чем что» утрачивает смысл. Другое – это НеЭто. Оно несопоставимо ни с чем.

Из вышесказанного ясно, что обозначить наш объект довольно просто. Однако не впадаем ли мы здесь в противоречие с тем утверждением, что объект наш нельзя никоим образом помыслить. Нет! Все, что мы сделали, – это лишь указали на границу Другого, точнее на самую общую его границу, Это – Другое. Мы по-прежнему ничего не знаем и никогда не узнаем о Другом самом по себе.

Тогда возникает другой вопрос, а именно: зачем подвергать изучению объект, который никакому когнитивному представлению не поддается, который не может быть познан сам по себе, а только каким-то образом ограничен.

Ответ на этот вопрос содержит несколько пунктов. Во-первых, сам вопрос, коль скоро он поставлен, привлекает к себе внимание и побуждает искать ответ. Во-вторых, граница между этим и Другим, по определению неопределимым, вынуждает нас довольствоваться изучением только границы. В-третьих, мы полагаем, что указанное изучение позволит в дальнейшем сказать нечто новое и об Этом, отталкиваясь от границ Другого. Таким образом, мы не только выводим существования Другого, опираясь на утверждение о существовании Этого (как Одного), но и намерены в дальнейшем показать, что Другое, несмотря на свою непознаваемость, тем не менее еще и «поддерживает благо» Этого.

Из этой же главы Библии (Сирах, 33) можно было бы непосредственно вывести непознаваемость Другого в соответствии с очевидной познаваемостью Этого мира. Однако сформулируем нашу точку зрения более подробно.

Итак, как уже было сказано, Другое абсолютно непознаваемо, оно никаким образом не дано нам в чувствах, мыслях или воображении. К Другому неприменимы никакие из известных нам предикатов. Другое не вложено в пространство и время, не является вещью, образом,

мыслью или словом в нашем понимании. Здесь следует сразу оговориться, что речь не идет о чем-то еще не познанном. Речь не идет о том, что в дальнейшем в нашем знании появятся иные теперь неизвестные понятия, будут найдены иные формы пространства и времени, вообще иные формы существования и т. д., и все это, или часть этого окажется каким-то образом применима к познанию Другого.

Мы утверждаем, что все, что нам дано знать сейчас и вообще когда-либо будет дано знать, не имеет и не будет иметь никакого отношения к Другому, а только к его границам. Все, что мы можем помыслить, получить в откровении, вообразить, увидеть во сне, наяву или в горячечном бреду принадлежит Этому миру. Какой бы иной мир мы ни изобрели, какие бы ни получили откровения о мире видимом или невидимом, все это будет лишь новое знание об этом мире, т. е. собственно часть этого мира.

Единственное, что мы можем утверждать о Другом, это то, что оно сотворено вместе с Этим. Возникает вопрос: если Бог может непосредственно давать нам некоторые знания о себе в откровениях, то почему Бог не может когда-либо попустить нам некоторое знание о Другом. Мы полагаем, что в принципе, конечно, может, так как нет ничего невозможного для Бога, возможно, это и произойдет в конце времен. Но согласно содержанию понятия «Другое», познание его Этим миром означает собственно конец Этого мира, потерю им его основных свойств. Позже мы остановимся на этом подробнее.

Следует также отметить, что нам ничего не известно (и никогда не будет известно) об отношениях Другого с миром невидимым. Однако сам мир невидимого в силу его ограниченной познаваемости для нас мы относим к Этому.

Излишне также добавлять, что Другое ни в коей мере не является Богом, ни свойством его, т. к. само сотворено вместе с этим. Другое, таким образом, выступает исключительно как граница, предел. Об этом хорошо сказано в книге сына Сирахова: «Многое можем мы сказать, и, однако же не постигнем Его, и конец слов Он есть все» (Сир. 43, 29). Итак, мы можем постигнуть и постигаем, что Бог сотворил все. Однако нас предупреждают, что некий конец этого мы не можем постигнуть. Что это за «конец»? На наш взгляд, это и есть Другое. И речь здесь идет именно о полной и принципиальной его непознаваемости как конца творения (для нас, конечно, а не для Бога). Само же по себе Другое, конечно, не является концом творения. Иначе это могло бы быть его свойством и означало бы некоторую его познаваемость. Но речь здесь идет именно о «конце слов», т. е. о том, что мы можем рассматривать только конец, границу, предел, за которым начинается Другое, не имея никакой возможности узнать что-либо о нем самом. Сама же эта граница принадлежит, без сомнения, Этому миру.

Указание на существование некоторого сотворенного вместе с Этим и Другого мы находим и в книге Бытия, в описании самого акта творения, а именно, как этого и следовало ожидать, в самом начале этого описания. «В начале сотворил Бог небо и землю» (Быт. 1.1). О каком же начале здесь идет речь? Ясно, что обычный смысл слова «начало» недостаточен, т. к. до сотворения не было и времени. Следовательно, начало здесь следует понимать более широко, как нечто. Что же это за нечто, в котором (т. е. как бы внутри этого нечто) Бог сотворил небо и землю, а затем весь мир. Мы полагаем, что этим началом и является Другое, сотворенное одновременно с этим, что и положило основу существования времени. И с этой точки зрения можно уже совершенно иначе подойти к проблеме времени в целом, чем это делает современная наука. Пример А. Леонтьева о том, что человек видит не нечто желтое и длинное, а авторучку, свидетельствует о том, что объект предстает в его сознании вместе со своей историей. Непреодолимый по И. Пригожину энтропийный барьер оказывается преодолен. Но это не совсем так. С позиций И. Пригожина как естественника-эволюциониста никакой другой вывод и невозможен. Мы же предлагаем взглянуть на вопрос с гораздо более древних философских позиций, основанных на сотворенности этого мира, основанных на том, что причиной мира является личностное, а не случайное начало, которое и есть Бог. Что же с этих позиций

можно сказать о времени. Свт. Василий Великий писал: «Не таково ли время, что в нем прошедшее миновалось, будущее еще не наступило, настоящее уже ускользает от чувства прежде, чем познано... Поелику действия творения мгновенны и не подлежит времени, то и сказано «в начале сотвори», потому что начало есть нечто, не состоящее из частей непротяженное... придумывать начало для начала весьма смешно (свт. Василий Великий «Беседы») Несомненно, Начало, о котором идет речь, – это косвенное указание на то, что мы в более широком смысле называем Другое. Но это последнее не является собственно началом, т. к. начало, совершенно неизвестное нам сейчас, может стать известным после Судного дня всей твари, да и теперь известно существам бесплотным. Другое же никогда не может быть никем познано, кроме самого Творца. Тогда может возникнуть подозрение, что мы именно и выдумываем начало для начала, что действительно весьма смешно. Но это не так. Другое и есть другое. Оно не может быть никаким началом ни для чего из Этого. И в этом смысле именно Другое и делает смешным придумывание начала для начала, потому что оно Другое для всех возможных начал, так или иначе упорядоченных во времени этого мира. И именно поэтому начало творения может быть только одно.

Итак, Другое есть другое абсолютно, т. е. отделено от нас гносеологической границей, перейти которую никакой твари не представляется возможным. С чуждой же нам стороны граница эта открыта для Божественного промысла творения и перетворения этого мира. Тем не менее мы утверждаем, что исследование самой границы Это-Другое, несмотря на ее полную гносеологическую непроходимость, может быть весьма полезным для понимания многих философских и научных вопросов, касающихся уже изучения этого мира. Здесь мы остановимся на проблеме времени.

В самом общем виде Время, начиная с его сотворения, подразделяется на прошлое, настоящее и будущее. Попробуем поискать ответа на вопрос, что есть эти части каждая в отдельности относительно границы Это – Другое, дабы потом мы могли ставить вопрос о том, что же есть Время само по себе. Эмпирически ответ на поставленный вопрос может звучать так: настоящее – это то, что следует за прошлым, а будущее – это то, что следует за настоящим, причем строго в такой последовательности. Время, таким образом, представляется нам как некоторое упорядочение явлений этого мира. Все, что есть в этом мире, происходит во времени. И все другое, что проникает в этот мир, уже принадлежит этому миру и наделяется временем, а из Этого мира уже никакие соотношения с Другим невозможны. Итак, любое явление этого мира происходит во времени. Это значит, что оно происходит в настоящем, принадлежит прошлому и ожидается в будущем. Сосредоточимся, однако, на том, что происходит всякое явление именно в настоящем, а не в прошлом или будущем. Действительно, ничто не может происходить в прошлом, т. к. прошлому принадлежит то, что уже произошло. Прошлое заполнено плотно, и к нему нельзя ничего ни прибавить, ни убавить. В то время как будущее, наоборот, абсолютно пусто (для нас) и мы ничего не можем перенести туда из настоящего, несмотря на всю силу одолевающего нас нетерпения. Чтобы явление произошло в Этом мире, оно должно произойти в настоящем.

Нам могут возразить, что физические явления имеют закон, и согласно закону они не зависят от времени. Так камень, брошенный с определенной высоты, будет падать вертикально вниз с определенным ускорением, независимо от того, брошен ли он в прошлом с Пизанской башни Галилеем или в настоящем невоспитанным туристом. И именно это есть явление этого мира, взятое в его сущности. Все это абсолютно верно, но имеет, скорее, отношение к сущности явления, чем ко времени. Ибо мы можем исследовать сущность явления, заставляя его происходить снова, т. е. в настоящем и только в настоящем. Но мы не можем пойти в прошлое, поднять камень, брошенный Галилеем, подняться на башню и повторить опыт. Итак, для нас опыт Галилея является прошлым, для него наш опыт является будущим. Но как Галилей, так

и любой из людей может заставить явление произойти и пронаблюдать его только в настоящем и никогда в прошлом или будущем.

Итак, настоящее есть нечто неотделимое от любого явления этого мира. Это его настоящее время, без которого, вне которого самого явления не существует. В то время как это настоящее само по себе существует и для других явлений Этого мира. Что же есть это настоящее?

Нам кажется естественным утверждение, что настоящее является условием того, что явление происходит в этом мире, причем, как видно из вышеизложенного, необходимым условием того, чтобы что бы то ни было произошло.

Время в этой своей части, а именно настоящее время, есть необходимое условие явления мира. Но это по форме. А чем же является это самое необходимое условие явления (его настоящее время) по содержанию.

Для ответа на этот вопрос будем опираться на тот очевидный факт, что необходимое условие по определению может быть только одно. Тогда, если мы найдем нечто другое, что по форме совпадает с вышеописанным анализом настоящего времени, то вынуждены будем сделать вывод о том, что имеем дело с одной и той же реальностью.

Ранее мы пытались показать, что граница Это – Другое необходимо присутствует в каждом явлении Этого мира (позже мы разовьем эту мысль подробнее в области психических явлений), контакт всякого явления Этого мира с Другим также является необходимым условием его происхождения (явления, бытия) в Этом мире. Тогда вывод может быть таков: настоящее всякого явления есть его контакт с Другим, т. е. тем самым единственным «началом», о котором говорил Василий Великий, и которое безвременно и присутствует всегда, а посему и является некоей неустранимой основой собственно времени (как и бытия в целом – см. Эпиграф Максима Исповедника).

Мы говорили о необходимом условии явления мира. Что же является его достаточным условием?

Для ответа на этот вопрос обратимся к анализу прошлого и будущего. Для того чтобы что-то могло произойти, оно должно прибыть из прошлого в будущее. Чтобы сегодня вечером мы могли войти в свой дом, мы должны найти его на своем месте (и находим), т. е. там, где оставили его утром. Чтобы набросать кучу камней, нужно, чтобы первые брошенные камни оставались там, где они упали. Что же заставляет их там находиться? Физический закон тяготения? – Нет. Так как, именно используя тот же самый закон, можно поднять камень и бросить его в другое место. Сам закон, таким образом, не определяет ни места, ни тем более времени, никакой вещи, ибо есть еще и мы со своей свободной волей, есть Божий промысел, есть дьявольское искушение, т. е. все то, что мы так привыкли забывать в своих научных изысканиях. Прекрасную оценку такой позиции дал поэт Иосиф Бродский: «Есть мистика, есть вера, есть Господь, есть разное меж них и есть единство. Неверье – слепота, но чаще свинство». Можно ведь сформулировать и более общий закон... и еще более общий, процедура, которая согласно теореме Геделя уводит нас в «дурную бесконечность», а в наших терминах – за пределы Этого мира в Другое. А следовательно, Другое содержитя в каждом законе. Оно и есть связь времен.

Итак, прошлое и будущее, как связь времен, – достаточное условие этого мира – есть Другое. Соединение прошлого и будущего через настоящее само есть Другое и является в качестве контакта с Этим необходимым и достаточным условием явления Этого мира.

Будем называть явление вместе с его необходимым и достаточным условием (контакт с другим: настоящее, прошлое и будущее) моментом явления.

Теперь, взяв все три части времени сами по себе, мы получаем Время в целом с его прошлым, настоящим и будущим, т. е. его необходимого и достаточного условия, т. е. время мира. Время, таким образом, есть момент мира. Из чего уже очевидно, что время, также как и мир, имеет начало и имеет конец. Иначе нельзя было бы связать прошлое и будущее и не было бы момента мира, т. е. его необходимого и достаточного условия, а значит, и самого мира.

Если время есть момент мира, то это означает, мир имеет единое настоящее, т. е. все, что происходило, происходит и произойдет, есть настоящее мира. Очевидно, что видеть мир как единый во времени, т. е. одномоментный в настоящем, невозможно для его частей (нас с вами, например), но, по всей вероятности, именно так видим он Творцом.

Некоторое подобие такого видения мира мы имеем и у человека. Моцарт как-то сказал, что высшая точка вдохновения наступает для него тогда, когда он видит свою симфонию одномоментно, «как яблоко на руке» (а это 30–40 минут физического времени).

Из многих других источников мы знаем, что эта одномоментность, ясность творческого замысла, развертываемого во времени, являются необходимым условием любого творческого процесса, который может длиться весьма и весьма долго.

Для нас здесь важно, что настоящим для любого временного отрезка развития творческого процесса (да и вообще любой целенаправленной человеческой деятельности) является именно эта одномоментность замысла, который присутствует в каждом моменте физического или умственного действия обязательно. Настоящее, таким образом, не имеет длительности, т. е. не имеет того измерения, которое мы привыкли называть временем.

Вернемся к уже использованному примеру. Галилей, бросая камень с башни, измерял длительность его свободного падения. Сравнивая длительности разных случаев свободного падения, он вывел общий закон свободного падения тел. Этот закон связывает прошлое тела – момент контакта с рукой Галилея, и его будущее – момент контакта с землей. Таким образом, переменная времени, фигурирующая в законе, есть число, приписываемое явлению по некоторой жестко определенной схеме связи прошлого и будущего явления, т. е. его достаточному условию в наших терминах.

Настоящее же явления никак не связано измерением времени, т. е. вообще не имеет длительности. Галилей бросал камни много раз, и во всяком бросании присутствовало одно и то же настоящее, и всякий раз, когда он прекращал исследования, оно не присутствовало.

Таким образом, настоящее не связано не только обычной для нас метрикой времени (длительностью), но не связано также и топологией времени (его неразрывностью). Время же, как известно, непрерывно в смысле его измерения.

Пример тому симфоническое произведение, которое может иметь несколько частей, между которыми при исполнении возможны перерывы, заполненные совершенно посторонними событиями. Но как только начинает звучать музыка, мы вновь оказываемся в настоящем времени симфонии от первой ноты до последней.

Итак, настоящее не имеет временного измерения, оно не имеет длительности и может быть разрывно, но оно, очевидно, имеет начало и конец. Разрывы одного настоящего заполняются другим настоящим. Так в перерыве слушания симфонии может быть продолжен разговор или иное дело, начатое ранее. Оно имеет свое настоящее, которое прервалось при слушании музыки.

Таким образом, явление, чтобы произойти в мире, должно иметь необходимое и достаточное условие, а именно настоящее и связь прошлого и будущего. Эта связь имеет длительность и непрерывна, настоящее же длительности не имеет и разрывно.

Эти размышления наталкивают нас на весьма важный вывод о различии времени физического (т. е. собственно длительности) и времени исторического (в пределе и психологического).

В физике мы исследуем именно связь прошлого и будущего, и поэтому делаем акцент на том, что камень, брошенный с башни, обязательно будет падать непрерывно, пока не коснется земли. При этом для нас абсолютно безразличен тот факт, что тот же самый камень затем опять будет поднят на башню.

В истории же для нас, напротив, важна судьба именно этого камня в его настоящем. Поэтому исторические (психологические) события могут прерываться, т. е. то, что началось

давно, может не длиться теперь вообще и вдруг начать длиться, потом перестать, потом завершиться. Все это разные моменты явления.

К чему мы приходим в результате? Чем помогла нам обозначенная ранее в каждом явлении мира граница Это – Другое в обсуждении проблем времени? Василий Великий писал об этом так: «Итак, чтобы мы уразумели вместе, что мир сотворен хотением Божиим не во времени, сказано «в начале сотвори». В означение сего древние толкователи, яснее выражая мысль, говорили: «вкратце» или «в главных чертах» (в прямом переводе с греческого это, скорее, звучит как «оглавленно» – *прим. авт.*) сотвори Бог, то есть вдруг, мгновенно». Если все современные исследования времени (пусть это будет даже вертикальное время Хокинга) предполагают континуум, длительность, для Василия же Великого временное свойство мира – это его начало, причем начало «в общих чертах», «оглавленное». Ясно, что Василий Великий говорит уже о другом времени, не имеющем длительности, т. е. о настоящем, не имеющем длительности, о настоящем творения.

Зададимся, однако, вопросом, если настоящее (как граница Это – Другое) есть необходимое условие явления мира, а связь прошлое – будущее (также граница Это – Другое) есть его достаточное условие, то из этого следует, что мир, после творения «в общих чертах», «оглавленно» был естественно наделен и достаточным условием связью прошлого и будущего. Это означает, что мир был сотворен сразу и с прошлым и будущим, а следовательно, все поиски прошлого времени до истории, открытой нам в Откровении, являются не более чем игрой ума, т. к. миллионолетние останки явились разом в момент творения для какого-то нашего (может быть, и научного) вразумления. Ибо об акте творения мы не можем знать ничего, кроме того, что Господь желает нам сообщить в Откровении, а о Другом вообще ничего не можем знать по определению, потому что оно – Другое, так и сотворено «одно напротив другого» (Сирах, 33,14).

2.2. Слово

«В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог».
(Иоанн, 1,1)

В первой строке Святого Благовествования от Иоанна мы вновь слышим о «Начале». Что же здесь добавляется к пониманию начала. Самое простое и очевидное. Здесь уже полностью исчезает всякий временной смысл в смысле длительности. Дальше читаем «Оно (Слово – авт.) было в начале у Бога: все через него начало быть, что начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть». (Ин, 1,2–3) (По-славянски: «без него ничтоже бысть, еже бысть»). Итак, все, что «бысть» – было, есть, будет, – у Бога в Начале, которое есть Слово. Ни прошлого, ни будущего, только настоящее бытие, «оглавленное», как это понимал и Василий Великий.

В этих строчках Евангелия – «...без Него ничто не начало быть, что начало быть» – мы полагаем основу методологии всякого философского, исторического и научного исследования. Обратим внимание на слова «что начало быть». Святой Иоанн Богослов, очевидно, предполагает, что наряду с начавшим быть есть нечто, не начавшее быть. Но начало оно быть или не начало, не все ли в руце Божией. Поэтому мы и полагаем творение Другого одновременно с этим. Великий философ Средневековья св. Максим Исповедник так подходит к этому вопросу: «Бог же сотворивший и приведший в бытие всяческое Своей беспредельной силою, связывает, сочетает и ограничивает все, умопостижаемое и чувственное, промыслительно соединяя одно с **другим** и с Самим Собою, заставляя их соединяться силою одной связи с Собой как с Началом». Обратим внимание на эту связь, которая мыслится преподобным как совершенно самостоятельная сущность, и посредством которой Бог удерживает около себя вещи, «по природе отделенные друг от друга». Заметим в скобках, что это понятие «связь» играло очень боль-

шую роль в трудах преподобного Максима. Чем же является эта связь? Читаем дальше: «Благодаря этой силе все приводится к неуничтожимому и неслиянному тождеству движения и бытия, так что при всем различии природы или движения ни одно из сущих не восстает против другого и не отделяется от другого, но все без смешения соединено между собою посредством нерушимой единой связи и благодаря сохранению единого Начала и Причины». Заметим здесь разграничение понятий нерушимой единой связи (очевидно, сотворенной) и единого Начала и Причины. Далее: «Эта связь упраздняет и покрывает не разрушением или приведением их к небытию, но, побеждая и являясь сверху, как является целое частям, или причина целому» (Там же).

Итак, согласно преподобному Максиму, существует связь всего со всем, посредством которой Бог удерживает около себя вещи. Но что же есть эта связь сама по себе? Является ли она частью того, что связывает? Нет. Так как иначе она связывала бы саму себя, что потребовало бы еще связи для этой связи и т. д. Следовательно, эта связь не есть часть всего, которое она связывает, а есть нечто **другое**. Другое по отношению ко всему в Этом мире, т. е. взятая сама по себе эта связь, без Этого превращается просто в Другое, не имеющее даже этого единственного предиката «быть связью», но, несомненно, существующее у Бога отдельно от Начала и Причины, т. е. сотворенное.

В этой книге мы попытались отвернуться от Этого мира, чтобы увидеть его границу, за которой Другое (не в себе, конечно, а в Этом мире), как рассекающее всякое явление этого мира, о чем позже мы будем говорить, описывая конкретные исследования в области психических явлений, и что уже было показано на примере анализа Времени. О чем преподобный Максим сказал так: «Ибо как части из целого, так и следствия существуют и познаются из причин, а также обладают собственным скрытым своеобразием, когда взятые в соотнесенности с причиной целиком получают свое качество от нее, благодаря единой, как мы сказали, **связи с ней**». (Там же). Ибо Бог, будучи во всем во всем (1,Коринф.15,22), но безмерно превосходя все и являясь Наиединственнейшим, будет зирк мысленным оком чистых» (там же). Таким образом, своеобразие явлений Этого мира мы и попытались в этой книге представить через границу Это – Другое (естественно, только с *этой* ее стороны). Но так как нас интересует только область психических явлений в широком смысле, то мы и будем анализировать именно их своеобразие, что в соответствии с предложенным подходом, что, собственно, и является их психодинамикой (о чем ниже). Духовное содержание Слова есть область теологии, область веры, и оно рождает наше познание, телесно-материальную вербалистику (если так можно выразиться), душевное (а не духовное) содержание человека, которое есть лишь устремление (почему мы и говорим о психодинамике) вверх к небу, это устремление заложено в само значение слова «человек», по-гречески «антропос», – устремленный к Небу.

2.3. Познание

«Что же тогда такое по своей собственной природе ум, который сам себя разделяет в чувственных силах (способностях) и через каждую из них соответственно ей воспринимает ведение сущего? Ведь в том, что есть нечто иное (выд. авт.) чувствам, полагаю не сомневается никто из наделенных рассудком».

*(Св. Григорий Нисский
«Об устройении человека»)*

*«Вспоминайте жену Лотову»
(Лука,19,32)*

Как известно, жена праведника Лота нарушила указание ангелов не оборачиваться во время бегства из городов, предназначенных к истреблению Богом (Быт.19). И когда она обернулась, то превратилась в соляной столп. Отвлечемся на некоторое время от дерзости поступка жены Лота, которая, будучи спасаема самим Богом, не смогла отвергнуться от мирских пристрастий и погибла своим неверием. Сосредоточимся на процессуальной стороне этой гибели, которая наступает мгновенно в процессе едва ли двух-трех секундного **гносеологического** контакта с чем-то, чего ей не следовало видеть. Характерно, что в данном случае Божья кара постигает жену Лота сразу, без каких-либо дополнительных предупреждений и призыва к покаянию. При этом далее нигде не разъясняется собственно содержание ее греха в назидание оставшимся в живых читателям. Только уже во время своего первого пришествия Спаситель, говоря о конце времен, призывает нас «вспоминать жену Лотову». Не означает ли это, что она увидела нечто такое, что до времени (или же никогда) человеку видеть невозможно, что-то другое, **не** из этого мира. При этом речь здесь явно идет не о том, что она могла видеть Славу Божию, которую человекам также невозможно видеть не умерев.

Похожие сюжеты мы находим в языческих мифологиях, например, в мифе об Орфее и Эвридике или о победе Персея над медузой Горгоной. В этих мифах особенно подчеркивается опасность именно увидеть, т. е. иметь непосредственный гносеологический контакт, с чем-то запретным, с чем-то другим.

Нам представляется, что как мифологические представления о чудесных явлениях такого рода, так и библейский сюжет свидетельствуют нам о границе Это – Другое, показывая ее характер, а именно – принципиально гносеологический характер. Физически Другое рядом с нами, у нас за спиной, повсюду; оно облекает каждое явление как оболочка, но познать его (увидеть, услышать, помыслить) мы никак не можем, не перестав быть частью этого мира, душою живою. «Это, однако, не означает, что смерть является неким переходом в Другое. Смерть принадлежит жизни» (А. Шопенгауэр). Это подтверждают свидетельства людей, длительное время находившихся в состоянии клинической смерти. Все они утверждают, что видели смерть, чувствовали отделение души от тела, слышали голоса, летали в пространстве и т. д. Однако все понятия, которыми оперируют эти люди, вполне укладываются в систему наших земных представлений, только все быстрее, легче, свободней и т. д.

На основании свидетельств блаженной Феодоры, явившейся после смерти некоторому иноку, можно заключить, что и дальнейшее пребывание души (по крайней мере, до Суда) ограничено этим миром, хотя и невидимым. Также в Апокалипсисе апостол дает нам вполне понятные описания своих видений, мест пребывания умерших. Однако, сообщает, что о **Других** вещах ему запрещено говорить.

Итак, гносеологический контакт Этого мира с другим невозможен для нас, он ведет к прекращению нашего существования в этом мире. И коль скоро мы упомянули ранее, что видение Славы Божией также приводит к смерти человека, если нет на то особой Его воли, то следует привести здесь некоторые соображения, свидетельствующие о том, что Другое есть самостоятельная сущность, сотворенная, согласно приведенной цитате из книги Премудрости Иисуса, сына Сирахова, как дополнение к Этому, дабы Это и Другое было «вдвойне». Обратим внимание на те чудеса из Священного Писания и Священного Предания, которые описывают явление людям ангелов. Обычно появление их воспринимается как появление обычных людей, исключая те случаи, когда ангелы являлись святым по их молитве, т. е. как бы ожидались. Напротив, исчезновение происходит внезапно, неожиданно, человек, бывший участником чуда, обычно недоумевает, куда делся тот, с кем он только что беседовал. С точки зрения концепции Другого, которое обертывает Этот мир в каждом, самом малейшем его проявлении, такое исчезновение представляется вполне понятным. Однако если для светлых сил можно предположить здесь действие Святого Духа, то, как объяснить, что и демоны уходят таким же способом. Несомненно, попустительство Божие всем действиям темных сил, однако вряд ли

Дух Святой непосредственно ведет их во всем их злобном делании. Это ограничивало бы их свободу воли. Скорее всего, существует механизм явления в этом мире жителей мира невидимого, а именно – переход из Другого в Это и обратно. При этом мы не считаем, что Другое каким то образом дано ангельскому знанию. Скорее всего, они пользуются тоже только лишь границей Это – Другое, также как и мы, не осознавая этого. Для того чтобы более ясно осознать разницу «функционирования» границы Это – Другое в действиях бесовских и Божиих, проанализируем чудеса другого типа, когда изменяется естественный ход явлений природы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.